

Тот факт, что Эренбург выжил в сталинской мясорубке, его достаточно своеобразные и не до конца прояснённые отношения с властью настроили определённую часть интеллигенции против Эренбурга. По словам Михаила и Марии, «Разведкой боем» они в какой-то мере хотели ответить на эти обвинения.

Встреча, по определению, не может быть долгой. Перед создателями ленты стояла непростая задача уложить в 50-минутном формате ленты и героя, и его время. С этой непростой задачей Мария и Михаил успешно справились. Смогли ли авторы ответить на обвинения в адрес Эренбурга, пусть рассудит зритель. Гораздо важнее то, что действительно состоялась волнующая, интересная, содержательная и запоминающаяся встреча с Эренбургом.

Среди участников фильма - петербургский историк литературы, посвятивший Эренбургу большую часть своей профессиональной деятельности, **Борис Фрезинский**.

Интерес ко всему, что связано с Эренбургом, составляет «пламенная страсть» Бориса Фрезинского; скрупулёзным собиранием и обработкой фактов, свидетельств современников, писем Ильи Эренбурга Фрезинский занимается уже более пятидесяти лет, с того самого момента, когда в 1952 году, ещё в детстве, прочёл роман Эренбурга «Буря». Кроме огромного интереса к личности, творчеству, времени Эренбурга, главной своей целью исследователь считает воссоздание оригинальных эренбурговских текстов. Именно Борису Фрезинскому мы обязаны тем, что издание «ЛГЖ» 1990 года дошло до нас в восстановленном виде, наиболее точно соответствующем первоначальному эренбурговскому замыслу, свободном от цензурских кромсаний и редакторских правок. Дополняют рассказ Фрезинского американский исследователь Эренбурга **Джошуа Рубинштейн**, автор замечательной книги «Клубок верностей. Жизнь и судьба Ильи Эренбурга», поэт **Наум Коржавин**, которому посчастливилось быть лично знакомым с Эренбургом и участник неформального молодёжного кружка времён «оттепели» - **Гаррик Заславский**, представляющий в фильме своего рода сторону обвинения.

Эренбург был большой личностью, яркой, талантливой; его жизненный и литературный путь, который он в большой степени выбрал для себя сам, был не всегда однозначен. Оценки людей, как знавших его лично, так и его современников, варьируются в очень широком диапазоне: «Любимец сражающейся армии, а шире - сражающегося народа» (К. Симонов), «... (Я) гордился той изумительной работой, которую ты делал во время войны» (Э. Хемингуэй в письме к Эренбургу), «То, что он делал, это не литература, а журналистика. Он всегда был продажен»

ВЕРНОСТЬ СЕРДЦУ И СУДЬБЕ

Илья Эренбург без упрощений

Имя Ильи Эренбурга, без преувеличения, было хорошо известно в каждой советской семье. А его «Люди. Годы. Жизнь» стали любимой книгой целого поколения.

Жизнь Эренбурга была наполнена крутыми переломами и смертельным риском, его участием в наиболее драматических событиях той эпохи, знакомством и личной дружбой с выдающимися людьми своего времени. Во многом она была подобна постоянной встрече с опасностью, с выходом на неизвестные виражи судьбы, непрекращающейся разведке боем.

Именно так, «Разведка боем. Встреча с Эренбургом», как и одноимённый стих самого Эренбурга, назвали свою документальную ленту о нём бостонский кинематографист Мария Герштейн и соавтор сценария, поэт Михаил Герштейн.

(В. Набоков об Эренбурге), «Крайне западный фланг сталинизма» (Давид Самойлов). А вот и такие и, думается,

«Дико воет Эренбург, Одобряет Инбер дичь его, Ни Москва, ни Петербург Не заменят им Бердичева.»

Противопоставление, обозначенное в этих строчках, не наложило фатального отпечатка на судьбу Эренбурга. Русская и западная культуры всегда были духовным наполнением его жизни. При этом, во всех своих ипостасях, от русского поэта и автора антибольшевистских памфлетов до страстного советского публициста и пропагандиста, Эренбург никогда не останется безучастен к бедам еврейского народа.

Наум Коржавин вспоминает, что как-то в Литинституте на вопрос о том, что выше дерзания в литературе, Эренбург ответил: «Чувство меры». Дерзание и чувство меры - великолепный симбиоз, но это уже голос мудрости и зрелости, в молодости было совсем иное.

В ноябре-декабре 1917 года Эренбург написал свою знаменитую «Молитву о России».

В поэтическом смысле между этим циклом и текстами времён его околочеловеческих увлечений огромная пропасть. «Молитва о России» - это прекрасные, пронзительные, талантливые стихи, оплакивание России. Чтобы так петь о России, надо быть её частью, «своим», надо иметь русско-православную духовность, на самый худой конец, быть выкрестом. Но автор их - «Иудей, отошедший от иудейства, много бродивший около католицизма и не связавший себя с православием». «Еврей не имеет права так писать о России», - говорили Максимилиану Волошину. Справедливо. Волошин же считал эти слова высшей похвалой поэзии Эренбурга именно потому, что Эренбург написал этот цикл с той силой, какой не сделали это те, кто имел на это всю полноту прав. Высока оценка Волошина, но согласиться с нею никак нельзя.

совершенно искренние слова к нему в поздравительной телеграмме Анны Ахматовой на его семидесятилетие: «Строгий мыслитель, зоркий бытописатель, всегда поэт».

Фильм Герштейнов заставил задуматься о неординарной жизни главного героя.

Судьба Ильи Эренбурга - это судьба ассимилированного еврея, ещё ребёнком вывезенного из окружённого «чертой оседлости» Киева в Москву, в «большую русскую жизнь», сознательно воспитанного родителями вне еврейской традиционности. Скорее всего, будь воспитан Эренбург в патриархальном еврейском духе, Эренбурга, которого мы знаем, просто бы не было.

В феврале 1918 года на вечере литераторов в московском кафе «Среда», Александр Койранский, творчество и имя которого известно ныне лишь узкому кругу литераторов, написал с антисемитским духом виршик, часто цитируемый в воспоминаниях и литературе об Эренбурге:

В «Бердичеве», убогом и обречённом историей на исчезновение, отлучённом от светской культуры, но свято хранившем заветы отцов, знали простую краеугольную истину, которой следовали веками: если Молитва, Слово, обращённое к Б-гу, не тождественна с молящимся, то это либо предательство себя, либо обман других.

Разгоралась Гражданская война... Вот что пишет современный российский историк Олег Будницкий в своей книге «Российские евреи между красными и белыми»: «Положение евреев - деятелей культуры, настроенных антибольшевистски, было в условиях Русской Вандеи крайне двусмысленным. Возможно, наиболее ярко эта двусмысленность проявилась в публицистике И. Эренбурга».

В октябре 1919 года, находясь в Киеве, Эренбург пережил еврейский погром, учинённый денкинцами с 17-20 октября. В «тихом» погроме погибли 300 евреев. «Честный антисемит» В. В. Шульгин отзывался на события статьёй «Пытка страхом», в которой вопрошал не научены ли чему-нибудь евреи в эти страшные ночи, не указала ли им «пытка страхом» верный путь. Верный еврейский путь по Шульгину состоял в том, чтобы признать свою вину за разрушение российского государства и покаяться.

В ответной статье Эренбург выражал страх не только за жертвы и за погромщиков, но и за Россию в целом, а наукой, вынесенной из погрома, назвал ещё более сильную, ещё более мучительную любовь к России. Воистину, прав русский поэт Дмитрий Пригов:

**«Когда безумные еврей
Россию Родиной зовут
И лучше русского умеют
Там, где их вовсе не зовут,
А где зовут - и там умеют,
А там, где сами позовут,
Она встает во всей красе
Россия - Родина евреев.»**

Стих иронично-едок, читается без горечи, но при том очень трезвый. Ёмкая эпитафия на могильную плиту того, что осталось от российско-советского еврейства...

Самсон КАЦМАН,
Бостон

Продолжение следует